

Посмотрев на лицо министра, Жун Тянь неожиданно заметил, что Фэн Мин уже не тот скрывающийся во дворце наследного принца и ждущий с ним встречи, как в те дни, наследник престола. Он уже являлся настоящим князем Мином, получившим всеобщую поддержку, веру и уважение чиновников.

Внутренние покои больше не могли скрыть его ослепительный блеск.

Однако перед глазами появился приходящий в смятение Фэн Мин, когда мужчина сжимал его в своих объятиях, отчего Жун Тянь стиснул кулаки.

«Фэн Мин, ты уже вырос. Я надеялся, что ты навсегда останешься невинным, как вначале, не знающим всемирной злобы, тогда ты был бы намного счастливее, чем сейчас».

Со смешанными чувствами отказав требованиям министров, император Силэй стал обсуждать со всеми присутствующими стабилизацию народной политики, вновь упоминая вопросы земледелия. Они закончили спустя два часа.

— На этом завершим сегодняшние обсуждения. Правильно выразите на бумаге только что сказанные слова, и император указом огласит их всей стране. — Жун Тянь обернулся: — Цзяньмин, поручаю тебе выбрать из отряда новых генералов.

— Подчиняюсь приказу императора.

Полностью обсудив политические дела, мужчина вспомнил, что Фэн Мин, должно быть, уже проснулся, и отправился во дворец наследного принца.

Добравшись до дворца, Жун Тянь увидел лишь Ле-эра и Цю Лань, а постель, как оказалось, была пуста.

— Где Фэн Мин?

Ле-эр проговорил:

— Докладываю государю: князь Мин после сна почувствовал, что ему слишком скучно, поэтому сказал, что выйдет на прогулку. Цю Юэ и Цю Син отправились вместе с ним, составляя компанию.

— Куда он ушёл прогуливаться?

Ле-эр не ответил и, льстиво улыбаясь, произнёс:

— Князь Мин сказал, что государь, обсудив политические дела, придёт очень усталым, поэтому Вашему Величеству не нужно идти его искать, так как он прогуляется и сразу вернётся.

Жун Тянь взглянул на Ле-эра. Заметив его изменчивое выражение и почувствовав, как сердце дрогнуло, мужчина внезапно спросил:

— Фэн Мин в опочивальне матери-императрицы?

— Ик? — Юноша поднял голову и, посмотрев на уже мрачного императора, невольно вздрогнул. Тотчас же опустившись на колени, он проговорил: — Государь, успокойтесь. — Ле-эр получил приказ от Фэн Мина задержать мужчину, чтобы тот сразу же не бросился из дворца наследного принца в опочивальню к вдовствующей императрице. Откуда знать, вдруг Жун Тянь окажется таким жестоким?

— Вы снова что-то затеяли? — холодно спросил мужчина.

— Это... — Ле-эр опустил голову и, ломая пальцы, проямлил: — Князь Мин сказал, что хочет повидаться с Мэй Цзи.

— Почему тогда сразу всё не доложил? А притворялся духом [1]!

Ле-эр вздрогнул всем телом и смущённо проговорил:

— Мэй Цзи — спаситель государя, к тому же она уже давно страстно любит Ваше Величество, а также является первой красавицей Поднебесной. А государь после возвращения в Силэй не выпроводил Мэй Цзи, позволив ей жить в опочивальне вдовствующей императрицы. Князь Мин сейчас отправился искать Мэй Цзи, боюсь лишь, что...

— Что именно?

Ле-эр нахмурил утончённые брови, стремительно обвёл взглядом пространство, неожиданно стиснул зубы и, подняв голову, проговорил:

— Если князь Мин поладит с Мэй Цзи, то государь может разозлиться на князя Мина?

Жун Тянь покачал головой, говоря:

— Когда это я на него злился? — Мужчина развернулся и направился в опочивальню вдовствующей императрицы.

— Государь! — Ле-эр поднялся с земли и, преградив путь Жун Тяню, трусливо проговорил: —

Государь хочет пойти, чтобы препятствовать князю Мину?

— А? — Мужчина поднял брови.

— Пусть князь Мин прогонит Мэй Цзи. Она отвоевала у смерти государя, Ваше Величество, прошу прощения, говоря, что хочу, чтобы она уехала. Однако... однако только князь Мин наиболее подходящий возлюбленный для государя. — Ле-эр умоляюще проговорил: — Государю не нужно смотреть на улыбку князя Мина, на самом деле с тех пор, как он узнал, что Мэй Цзи живёт в опочивальне вдовствующей императрицы, в душе князь Мин почувствовал себя неприятно. Он сейчас болен и его тело ещё слабое, боюсь, если его охватит мельчайшая грусть, то излечить его будет гораздо сложнее.

Непоколебимо преданный Ле-эр сжал кулаки и ясным взглядом уставился на императора Силэй.

Жун Тянь втайне радовался, что Ле-эр уже решительно и бесповоротно предан Фэн Мину и неожиданно заступился за «обиженного» юношу, требуя справедливости, однако мужчина по-прежнему был мрачен. Подняв уголки губ, он начал с насмешкой:

— Ты боишься, что я нарочно сойду с Мэй Цзи?

— Ле-эр не осмелится так думать о государе. — Юноша опустил голову и, украдкой подняв взгляд на Жун Тяня, вновь храбро спросил: — Если государю не интересна Мэй Цзи, то почему государь захотел поселить её в императорском дворце? По слухам, она только добралась до Силэй, чтобы жить в загородном дворце Бэйхуэй.

Взгляд Жун Тяня сверкал подобно молнии; увидев, что у Ле-эра кровь застыла в жилах от страха, мужчина смягчил тон и с лёгкой улыбкой сказал:

— Это мать-императрица захотела, чтобы Мэй Цзи составила ей компанию, вот и попросила её остаться во дворце.

Ле-эр, увидев хорошее отношение Жун Тяня, тотчас же словно змея, заползшая на палку, умоляюще проговорил:

— Государь, скажите Мэй Цзи, чтобы она скорее уехала. Силэй и князь Мин принадлежат государю. Зачем она лезет? Ле-эр, будучи во дворце императора Юнъинь, повидал много борьбы за любовь императора. Если будете медленно решать этот вопрос, то нельзя будет предугадать всех дурных последствий и ни у кого не будет счастливой жизни.

Его слова попали прямо в сердце печального Жун Тяня.

Мужчина тяжело вздохнул.

Между ним и Мэй Цзи давно были добрые чувства, это дело не являлось кратковременным. Она, первая красавица Поднебесной, тайно была влюблена в него, к тому же ради него она пожертвовала своей молодостью. Если бы не появился Фэн Мин, то, возможно, Жун Тянь действительно женился бы на Мэй Цзи, сделав её своей наложницей.

В тот раз просить Мэй Цзи отправиться в Боцзянь, потом обманом заставить её прийти на помощь — всё равно, что задолжать особое расположение этой женщине. И заветное желание Мэй Цзи, говоря по существу, — это стать его единственной императорской наложницей. Такие требования действительно нельзя было считать преувеличением.

Жун Тянь прекрасно понимал характер Фэн Мина, также он знал, что не сможет жениться на Мэй Цзи. После возвращения в Силэй мужчина тонко намекнул об этом женщине. Но кто бы мог подумать, что Мэй Цзи упорней, чем он предполагал, и пусть даже Жун Тянь не мог взять её в качестве наложницы, она хотела остаться рядом с ним в любой роли.

Это была ужасная головная боль, с её положением и милостивым отношением Жун Тяня она не хотела уезжать, и никто не смел открывать рта, чтобы прогнать её.

Фэн Мин и Мэй Цзи жили в одном императорском дворце Силэй, и подобная проблема рано или поздно встала бы на пути. Только мужчина никак не думал, что юноша так скоро узнает об этой новости и тихонько убежит в опочивальню вдовствующей императрицы.

Одна ласковая, добродетельная, которой он был благодарен; другой сообразительный, сметливый, которого он сильно любил. Если эти двое встретятся, то опасность не уступит двум войскам, занявшим боевую позицию. В своём сердце Жун Тянь на самом деле не хотел вредить ни тому, ни другому.

— Государь... — Откуда Ле-эру было знать, что в душе Жун Тянь был опечален, юноша лишь беспокоился, что мужчина может из-за Мэй Цзи заставить Фэн Мина горевать, и с осторожностью смотрел на лицо императора.

Жун Тянь прямо взглянул на юношу:

— Будь умницей, останься во дворце наследного принца. В следующий раз, когда устроишь подобное безобразие, увидишь, как я тебя накажу. — Не зная, какая сейчас обстояла ситуация, мужчина надеялся, что беспорядка ещё не случилось. Фэн Мину и Мэй Цзи пальцы в рот не клади, и как бы не началась борьба, ведь её будет затруднительно уладить миром.

Император Силэй очень тревожился за здоровье Фэн Мина, мельчайшее волнение — и последствия невозможно было себе представить.

Свободным шагом мужчина спешно направился во дворец вдовствующей императрицы.

Уже подходя к опочивальне матери-императрицы, мужчина собирался перешагнуть порог, но в это же время из комнаты выскользнула тень, как раз наталкиваясь на Жун Тяня.

— Ой! — Тень согнулась, казалось, что сейчас рухнет рядом, но ловкий император Силэй быстро среагировал, придержав её.

Опустив голову, Жун Тянь увидел Цю Юэ.

Цю Юэ, видя перед собой императора, вскрикнула:

— А! Государь. — И, спешно склонившись, поприветствовала его.

— Где Фэн Мин?

Услышав голос Жун Тяня, Цю Юэ поняла, что ему уже известно, где находится юноша, и в тайне укоряла Ле-эра за то, что он слишком глуп. Сама же служанка мило указала рукой в сторону комнаты:

— Князь Мин в комнате соревнуется с первой красавицей Поднебесной.

Жун Тянь в недоумении произнёс:

— Соревнуется?

— Угу, — Цю Юэ высунула язык, обнажив недоумение на лице. — Я тоже не знаю, в чём дело. Князь Мин, глядя на Мэй Цзи, не говорит ни слова. Задеревенело сидит перед её лицом и смотрит на неё даже не моргая. Изумлённая Мэй Цзи тоже, не говоря ни слова, смотрит на князя Мина, вытаращив глаза. Кажется, эти двое словно играют, кто первый пошевелится.

Стоило девушке это сказать, как Жун Тянь тотчас же вспомнил способ, которым когда-то пленил сердце Мэй Цзи. Фэн Мин, этот мальчишка, неожиданно решил попробовать нарисовать черпак из тыквы-горлянки по образцу самой тыквы [2], и мужчина невольно с улыбкой покачал головой.

Тихо войдя в боковую комнату, он почувствовал благоухание, исходящее от Мэй Цзи. Встав за тюлевой занавеской, Жун Тянь тайно наблюдал за уже давно сидящей парочкой. Помимо следовавшей за Фэн Мином Цю Син, за занавеской неожиданно оказался ещё один человек.

— Мать-императрица? — даже Жун Тянь несколько удивился, тихонько воскликнув.

Вдовствующая императрица поспешно подняла и прижала указательный палец к губам,

подавая сыну знак, чтобы тот замолчал, и двое людей вместе, прячась за занавеской, стали наблюдать.

В комнате было необычайно тихо, лёгкий ветерок струился в воздухе. Две изящные фигуры: одна — очаровательная и добрая необычайная красавица, другая — прекрасный лицом и ярко-алыми губами, со скрывающейся промеж бровей отвагой юноша. Двое людей за маленьким чайным столиком сидели тихо и смотрели друг на друга, не шевелясь.

— Сколько времени прошло? — шёпотом спросил Жун Тянь.

Мать-императрица, слегка улыбаясь, сказала:

— Час. — Хоть она уже являлась вдовствующей императрицей, однако продолжала ухаживать за собой и своим здоровьем, её лицо по-прежнему было гладким без единой морщинки. Она обернулась и посмотрела на своего взрослого, мудрого и могущественного императорского сына, а в глазах пронёсся блеск любящей матери. Женщина, открыв рот, спросила: — Кого государь хочет видеть в качестве победителя?

— Если кто-то выиграет, то неплохо. — Тонкие губы Жун Тяня сжались вместе и, обнажив величие государя, мужчина низким тоном проговорил: — Этот способ абсолютно не решит проблему.

Подумав только, что рано или поздно нужно будет, столкнувшись с этими двумя, вынести окончательное решение, Жун Тянь в душе тихо вздохнул. Если бы в данную минуту Фэн Мин сказал ему прогнать Мэй Цзи, то ради его здоровья мужчина был бы вынужден отплатить чёрной неблагодарностью. Однако он в душе совершенно не хотел так обходиться с Мэй Цзи, которая много раз ради него жертвовала жизнью.

Мэй Цзи являлась одиноким человеком, полагаясь на красоту и разум, покоряла мужчин Поднебесной. Великодушную и выдающуюся женщину не нужно так оскорблять.

В момент, когда Жун Тянь пребывал в глубоком раздумье, в комнате бесшумное соревнование уже закончилось.

Фэн Мин был первым, кто не смог больше выдержать. Моргнув, юноша продолжительно выдохнул, взял со столика уже прохладный чай и, сделав два глотка, вздохнул:

— Не хуже. В те годы как Жун Тянь, используя такой тупой способ, неожиданно смог продержаться целых два часа? У меня от «гляденок» глаза свело судорогой, кажется, не побить мне рекорд Жун Тяня.

Мэй Цзи прыснула от смеха и, прикрыв рукой рот, проговорила:

— Князь Мин поразительно стойкий. Мужчина, который смог высидеть, пристально глядя на Мэй Цзи в течение часа, это редкость. — Она раньше слышала имя Фэн Мина, однако никогда не беседовала с ним.

На берегу реки, когда две армии заняли боевую позицию, Жун Тянь, казалось, как всегда сохранял спокойствие и был воинственным, однако, сжимая её ладони, его руки слегка дрожали. Лишь с этого момента женщина уже поняла, что Фэн Мин в сердце Жун Тяня имеет огромное значение.

Посмотрев на юношу, она подняла голову и выпила холодный чай, в её красивой внешности читалась естественность, сама же Мэй Цзи, немного поразмыслив, легко разомкнула алые губы:

— Цель визита князя Мина уже известна Мэй Цзи.

—Э? — Фэн Мин выпустил чашечку из рук и, приподняв изящные иссиние-чёрные брови, рассмеялся: — Господин Ся Гуань некогда хвастался, что Вы сметливая женщина и знаете мысли других, так позвольте узнать: какова же цель моего визита?

Легко закатив сверкающе-яркие глаза, Мэй Цзи с улыбкой ответила:

— Конечно же хотите, чтобы Мэй Цзи покинула Силэй.

— Зачем мне хотеть Вашего отъезда из Силэй? — снова спросил Фэн Мин, слегка улыбаясь.

Мэй Цзи пристально посмотрела на юношу и, открыв рот, спросила:

— Князь Мин знает, что с тех пор, как Мэй Цзи поселилась в опочивальне вдовствующей императрицы, она больше не встречалась с государем? — Но Фэн Мин несколько не изменился в лице, лишь со слабой улыбкой взглянул на женщину, ожидая, что же она скажет дальше.

— Всем в Поднебесной известно о любви князя Мина и государя, а восхищение Мэй Цзи государем, по-видимому, кратковременно. Если государь будет выбирать из нас двоих, то Мэй Цзи непременно потерпит поражение. — Женщина со слегка горьким оттенком усмехнулась и взглянула на юношу: — Князь Мин разве не хочет спросить, откуда Мэй Цзи знает, что потерпит поражение, но всё ещё желает нахально остаться в Силэй?

Фэн Мин покачал головой:

— Не обязательно спрашивать. — Вспомнилось, какое чувство его охватило в тот момент, когда Жун Тянь находился на противоположном берегу реки Оман и обнимал Мэй Цзи. Просто все мечты обратились в пепел, и жизнь была хуже смерти. Невольно тяжело вздохнув, юноша продолжил: — Спросите у мирской суеты, что такое любовь, и откровенно скажут — это клятва

друг другу быть вместе до конца своих дней. — Эти несколько слов действительно были выражением чувств, без всякого намерения пустить пыль в глаза.

— «Спросите у мирской суеты, что такое любовь, и откровенно скажут — это клятва друг другу быть вместе до конца своих дней?» — Мэй Цзи, изменившись в лице, проговорила: — Князь Мин действительно неповторимый, неожиданно смог сказать такие трогательные слова. Быть верными друг другу до конца своих дней... Ах, как же было бы хорошо сохранить верность друг другу. — Первая красавица Поднебесной тоже несколько раз вздохнула и, обращаясь к Фэн Мину с открытым великодушием, проговорила: — Князь Мин превосходит всех своим умом, Мэй Цзи тоже неплохо видит. Мэй Цзи слышала, как государь когда-то получил обещание вдовствующей императрицы согласиться с князем Мином и больше никогда не поднимать тему женитьбы и императрицы, к тому же был оглашён императорский указ, чтобы все министры больше не затрагивали тему женитьбы. Это является чувством глубокой любви государя и князя Мина. Однако император такой герой, разве не досадно, что у него не будет потомков? Как князь Мин вытерпит отсутствие наследников, когда император станет стар? Мэй Цзи не осмелится чрезмерно требовать стать императрицей или наложницей, она лишь просит остаться рядом с государем, чтобы родить для государя ребёнка. Мэй Цзи клянётся Небом, что совершенно не станет бороться с князем Мином за обожание государя, она лишь молча будет прислуживать государю и князю Мину.

Эта женщина, которая являлась первой красавицей Поднебесной и которую издавна превозносили другие, неожиданно сильно любила Жун Тяня, да так, что не желала отпускать эти чувства. Она хотела отступить и удержаться рядом, не желая имени и социального положения. От подобных слов не только стоящий за тюлевой занавеской Жун Тянь испугался, но даже Фэн Мин вздрогнул всем телом.

Женщина, подойдя к Фэн Мину, подняла подол юбки и рухнула на колени, полным скорби голосом говоря:

— Мэй Цзи давно доводилось слышать, что у князя Мина широкая душа и что он является редким удивительным мужчиной, умоляю князя Мина позволить Мэй Цзи остаться.

Фэн Мин очень боялся увидеть женские слёзы. Когда плакала Цю Лань, ему хотелось даже схватиться за уши и чесать щёки[3], а сейчас Мэй Цзи, подобно этому, стояла на коленях, и в большей степени юноша не знал, что предпринять[4]. От спокойствия, что было вначале, не осталось и тени. Юноша тотчас же бросился поднимать женщину, говоря:

— Не нужно плакать, я ведь не император Силэй, как я могу решать, остаться Вам или уехать?

По щеке Мэй Цзи стекали две слезинки, делая женщину ещё более очаровательной.

— Князю Мину стоит только открыть рот, и государь во что бы то ни стало сможет отыскать способы, чтобы Мэй Цзи уехала. — Она всё же верно угадала.

Жун Тянь про себя размышлял: «Мэй Цзи действительно потрясающая. Несмотря на то, что

она зовётся моей спасительницей, да ещё испытывает любовь, в сравнении с обычной женщиной, которая только и может, что ревновать, она ещё более противная. Боюсь, Фэн Мин не одолеет её».

Поначалу мужчина хотел выйти из-за занавески, но невольно стал наблюдать за умением Фэн Мина мыслить. Он посмотрел на непрерывно подающую знаки мать-императрицу, которая слегка улыбнулась и покачала головой, как бы говоря, что нужно подождать ещё немного.

Увидев, что Мэй Цзи льёт слёзы, словно дождём осыпающиеся цветы груши, юноша вновь нашёл только что удравшее самообладание:

— Не нужно плакать. Когда это я говорил, что хочу Вашего отъезда? — Фэн Мин помог Мэй Цзи сесть, немного поразмыслив, открыл рот и сказал: — На самом деле я приехал, чтобы пригласить Вас переехать во дворец наследного принца.

— Что?!

— Что?!

В голос воскликнули трое человек, одной из которых была Мэй Цзи, а другими — как раз подслушивающие близняшки Цю Юэ и Цю Син. Эти две сестры мыслили одинаково и даже выкрикнули одновременно, и, естественно, тотчас же два голоса слились в один, произнося «что».

Цю Юэ и Цю Син выскочили из-за занавески и раздули ярко-алые щёки, отчего стали похожи на людей в летах.

— Князь Мин, почему Вы так хотите, чтобы эта женщина переехала во дворец наследного принца? — Цю Юэ пристально посмотрела на Мэй Цзи.

Цю Син пробормотала:

— Я ни за что не стану прислуживать ей, а также подносить еду и причёсывать...

Примечания:

[1] Обр. в знач.: дурачить, обманывать, морочить.

[2] Обр. в знач.: копировать, подражать.

[3] Обр. в знач.: быть в замешательстве, прийти в растерянность, недоумевать.

[4] В оригинале фраза звучит как «руки и ноги не знают, что предпринять», что означает

«растеряться, оказаться беспомощным».

<http://bllate.org/book/13377/1190107>